

ՊԱՏՄԱԳՐՈՒԹՅՈՒՆ

В.А. ПОТТО О МЕСТЕ И ЗНАЧЕНИИ КАВКАЗСКОГО ФРОНТА В РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЕ 1828 - 1829 гг.

В последние годы тема войны и мира повсеместно актуализировалась до такой степени, что начали говорить об определенной (и специфической) милитаризации общественного сознания и об утверждении соответствующей культурной моды. Имеет место весомая заявка на концептуальное и методологическое обоснование новой исторической дисциплины, предпринятая созданной по инициативе Е.С. Сеньявской, Ассоциацией военно-исторической антропологии и психологии «Человек и война»¹.

В этом ракурсе определенный интерес представляет пятитомный труд В.А. Потто, в котором русско-турецкая война 1828 - 1829 годов рассматривается на уровне фактологии, предметной конкретики. Анализ означенного труда интересен в силу двух причин. Одна из них состоит в том, что в историографии войны 1828 - 1829 годов отсутствуют (по крайней мере мы не обнаружили) исследования, посвященные тому аспекту, который является целью нашей работы. Второй аспект связан с тем, что и сам упомянутый труд никогда прежде не рассматривался в данном ракурсе.

Подобная «избирательность» (условно говоря) нашего исследования, обязывает нас сказать вначале несколько слов об авторе рассматриваемого труда.

Генерал-лейтенант Василий Александрович Потто (01.01.1836 – 29.11.1911. Даты приводятся по старому стилю)

¹ Военно-историческая антропология: Ежегодник. 2002: Предмет, задачи, перспективы развития. - М., 2002; Мир и война: культурные контексты социальной агрессии / Под ред. И.О. Ермаченко, Л.П. Репиной. - М., 2005.

принадлежит к когорте исследователей, заложивших основы российского военного востоковедения. Возникнув в первой половине XIX века как прикладная, научно-практическая форма исследований, к 1917 году военное востоковедение России превратилось в самостоятельную отрасль знаний о Востоке в широком смысле этого понятия.

В официальных российских справочных изданиях сведения об интересующем нас авторе весьма скудные. Довольно подробная справка приводится в биобиблиографическом словаре М.К. Басханова, из которой следует, что В.А. Потто является выходцем из дворян Тульской губернии. Образование он получил в Орловском Бахтина кадетском корпусе, из которого вышел в 3-й Драгунский Новороссийский полк (1855 г.). Из обширного послужного списка Потто отметим наиболее важные для нас вехи его жизненного пути ².

Потто являлся участником Крымской войны (1853 – 1855 гг.) и подавления мятежа (уже в качестве капитана) в Царстве Польском (1863 – 1864 гг.). В 1887 г. полковник был определен на службу штаб-офицером при войсках Кавказского военного округа, затем прикомандирован на шесть месяцев к Главному штабу для «письменных занятий» (1892 г.). В 1896 году ему присваивают звание генерал-майора. В 1899 году Потто назначают начальником военно-исторического отдела при штабе Кавказского военного округа, а в 1907 году он получает звание генерал-лейтенанта.

В период службы на Кавказе Потто собирал устные рассказы, песни и исторические предания горских народов и казаков. Совершил несколько поездок по Кавказу, отличился при взятии крепости Карс в Азиатской Турции. Служба на Кавказе и поход в Закавказье дали огромный исторический и фактологический материал, который впоследствии Потто использовал в ряде своих работ. Все это говорит о том, что нашего

²Басханов М.К. Русские военные востоковеды до 1917 г.: Биобиблиографический словарь. - М., 2005, с. 192 – 193.

героя, во-первых, никак нельзя причислить к кабинетным ученым. Во-вторых, его труд содержит богатейший материал для изучения рассматриваемой темы в проблемном поле интеллектуальной истории.

Всеобщую известность Потто как военному историку принес монументальный пятитомный труд «Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях»³, ставший уникальным по богатству фактический материал о войнах России с Османской империей, Персией и горскими народами Кавказа. Для завершения этого труда император Александр III распорядился выдать полковнику Потто, в то время уже уволенному со службы и оставшемуся без средств к существованию, единовременное пособие в четыре тысячи рублей.

Во «Введении» к первому тому указывается, что первой целью Потто была популяризация истории Кавказской войны, которая у него охватывает период с начала XVI века по 1831 год (В XIX в. подобная периодизация была «в порядке вещей»). Заметим, что в отдельных случаях в работе автора упоминаются и более поздние события XIX века. В центре исследования Потто находится описание военных событий и государственных решений, военно-стратегических успехов и деятельности полководцев, ему, как и другим современникам, присуща героизация войны, интерес к выдающимся личностям. Вместе с тем его труд не является специальным военно-научным сочинением. Автор стремился дать в «общедоступном изложении ряд рассказов, легенд, эпизодов и биографий, расположенных в хронологическом порядке, которые могли бы вполне ознакомить не только с внешней стороной вековой кавказской борьбы, но и с внутренней, насколько эта последняя отразилась в легендах, солдатских песнях, в рассказах товарищей и тому подобное». Второй целью Потто было «выдвинуть ... на

³ Потто В.А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т. 1 - 5. - Тифлис, 1885 – 1891гг.

первый план человека как важнейший элемент войны, его подвиги, его страдания, успехи и неудачи», что должно «иметь военно-воспитательное значение»⁴.

Переходя непосредственно к теме нашего исследования, отметим, что в четвертом томе «Кавказской войны», озаглавленном «Турецкая война 1828 - 1829 гг.» Потто уделял особое внимание роли военных действий на Кавказе и их специфике для успехов российских войск на Балканском (Дунайском) фронте в период русско-турецкой войны 1828 - 1829 годов, которая началась в сложных международных и внутренних условиях. Характеризуя состояние и степень готовности противоборствующих сторон к началу военных действий, автор пишет: «Еще не замолкли громы персидской войны 1826 - 1828 годов, а политические обстоятельства в Европе сложились так, что сделали неизбежным для России столкновение с Турцией»⁵.

К этому времени генерал от инфантерии А.П. Ермолов был смещен (1827 г.) и на его место назначен генерал-адъютант Иван Федорович Паскевич (1827 – 1831 гг.), герой Отечественной войны 1812 г., получивший в результате успешных военных действий на Кавказе приставку Эриванский.

И.Ф. Паскевича тревожил тот факт, что действующие на Кавказском фронте «войска не могли прийти из Персии раньше конца апреля, а до тех пор вся пятисотверстная русская граница, простиравшаяся тогда от гурийских берегов Черного моря до Талыши и оттуда, по окраине бывшего Эриванского ханства, до Арарата, лежала открытой перед неприятелем. Малочисленные гарнизоны, разбросанные на огромном пространстве, достаточны были только для нужд внутренней службы»⁶.

⁴ Потто В.А. Кавказская война: В 5 томах. Т. 1: От древнейших времен до Ермолова. - М.: ЗАО Центрполиграф, 2007, с. 5.

⁵ Потто В.А. Кавказская война: В 5 томах. Т. 4: Турецкая война. 1828 - 1829. - М.: ЗАО Центрполиграф, 2007, с. 5.

⁶ Потто В.А. Кавказская война: В 5 томах. Т. 4,... с. 5.

Тогда как «Турция находилась в положении несравненно выгоднейшем. По всей границе её с Россиею, на всех удобных входах в нее расположились сильные крепости, ждавшие только момента, чтобы внести смерть и ужас в ряды дерзких пришельцев, покусившихся нарушить их грозное молчание. Потти, Батум, Кобулеты, Ацхур, Хертвис, Ахалцихе, Ахалкалаки, Карс, Магазберт, Кагызман и Баязет, возвышая к небу вершины своих башен, составляли оплот мусульманского могущества». Одиннадцать областей Азиатской территории Османской империи «подчинялись одному общему правителю в лице сераскира Арзерумского, которому вверялось бесконтрольное владычество над Армениею и Анатолиею»⁷.

В преддверии войны Порта, «сосредоточивая всевозможные средства в Азиатской Турции для предстоящей войны», назначила «высшим правителем ее наиболее доверенного, опытного и искусного сановника. В Арзерум (Эрзерум. – С.М.) отправлен был трехбунчужный паша Галиб, которому не только отданы были под непосредственное начальство одиннадцать пашалыков, обыкновенно составлявших Арзерумский сераскират, но и верховное право заимствовать из всех азиатских владений Порты то число войск и те средства, какие по местным обстоятельствам он сам признает необходимым для успешного хода войны»⁸.

Интерес представляет характеристика Галиб-паши, о котором Потти отзываясь как о человеке чьи «дипломатические и государственные способности не подлежали сомнению». Но, «к сожалению [для турок. – С.М.], это был человек, не обнаруживший военных дарований и не имевший даже военной опытности. Султан, отдавая в его распоряжение весь ход военных действий в Азиатской Турции, рассчитывал главным образом на его глубокий ум, столь важный в эти минуты для управлением обширным краем».

⁷ Там же, с. 8.

⁸ Потти В.А. Кавказская война: В 5 томах. Т. 4, с. 9-10.

В помощь Галиб-паше, «в качестве вождя действующих войск, назначен был человек закаленный в боях, - Киос Магомет-паша, некогда сражавшийся в Египте против Наполеона и потом участвовавший в четырех европейских кампаниях против русских, сербов и греков. От сочетания этих двух выдающихся умов» Порта ожидала «наилучшие результаты»⁹.

Современные исследователи несколько иначе оценивают положение России и Турции. Они отмечают, что обе стороны были плохо подготовлены к военным действиям. На Кавказском театре военных действий регулярных турецких войск почти не было и основную ударную силу составляли иррегулярные части. В русской армии наиболее боеспособным был Отдельный Кавказский корпус, имевший богатые боевые традиции. Главным театром военных действий считался Дунайский фронт, при самом поверхностном отношении русского главного штаба к Кавказскому фронту. Николай I ошибочно считал, что уже само появление русской армии за Дунаем заставит Порту направить к нему парламентеров¹⁰.

Согласно общему плану войны, начертанному российским императором, «перед войсками Кавказского корпуса лежали две задачи: 1) отвлечь турецкие силы с Дуная и 2) овладеть в Азиатской Турции местами, необходимыми для округления и обеспечения русских границ». Для достижения этих целей считалось «достаточно покорить два пашалыка – Карский и Ахалцихинский – и взять две приморские крепости – Потю и Анапу. Дальнейшие завоевания из-за «крайней ограниченности средств, предполагались слишком обширными и даже «безнужными»¹¹.

В то время когда эти задачи ставились перед Паскевичем, для Петербурга еще не был решен вопрос о мире с Персией, и потому были разработаны два плана предстоящих действий.

⁹ Там же с. 10

¹⁰ Ибрагимбеули Х.М. Россия и Азербайджан в первой трети XIX в. - М., 1969, с. 216 – 224; Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII – начало XIX в. - М., 1, с. 88.

¹¹ Потто В.А. Кавказская война: В 5 томах. Т. 4: , с. 13.

В случае продолжения персидской войны, разумеется, нельзя было привлечь значительные силы для сражения с турками, однако российский император Николай I требовал наступательных действий, «ибо, - как писал граф Дибич Паскевичу, - лучшее средство для обороны с малыми силами против азиатских народов, без сомнения, есть решительное на них нападение». В случае же получения известия о начале военных действий на Дунае «генерал Красовский с войсками, расположенными в Эриванской области, и с остальными полками двадцатой дивизии, которые должны были к тому времени уже вернуться из-за Аракса», должен быстро наступать на Карс, «в то время как генерал-адъютант Синягин с войсками, находящимися в Грузии (третьи батальоны шести казачьих полков), должен овладеть Ахалкалаками». После взятия этих двух крепостей оба отряда должны соединиться под общей командой генерала Красовского и приступить к осаде Ахалцихе.

На тот случай, если мир с Персией будет заключен, главный штаб должен известить Паскевича о том, что, по решению государя состав Кавказского корпуса следует уменьшить, и «потому войска, прибывшие на Кавказ по случаю персидской войны – Сводный гвардейский полк, двадцатая пехотная и вторая уланская дивизии, вместе с шестью донскими казачьими полками, - должны быть немедленно возвращены в Россию. Впрочем, по выходе этих войск из Грузии Паскевичу, в случае крайней необходимости, разрешалось задержать их на Кавказской линии в виде резерва и даже употребить для взятия Анапы»¹².

Потто отмечает, что оба плана основывались «на недостаточно верных сведениях о средствах, которыми могла располагать Порта в Азиатской Турции, и потому на практике должны были встретить громадные затруднения». С заключением мира с Персией первый план уничтожился сам собою. «Но относительно второго плана Паскевич поспешил возра-

¹² Там же

зять, что, лишившись двадцатой пехотной дивизии, корпус его будет гораздо слабее числом, чем при Ермолове при самом открытии персидской кампании...»¹³.

В результате требования Николая I «в распоряжении Паскевича оставалось всего пятьдесят один батальон пехоты, одиннадцать эскадронов кавалерии, семнадцать казачьих полков и сто сорок четыре орудия. Но большая часть их (Потто перечисляет какие именно. – С.М.) ... оставалась или в персидских пределах, или занимала важнейшие пункты Закавказского края» - Потто указывает какие именно и суммирует: «Всего тридцать шесть батальонов, три эскадрона, десять казачьих полков и восемьдесят шесть орудий. Собственно же в наступательных действиях против турок могли принять участие только пятнадцать батальонов пехоты, восемь эскадронов кавалерии, семь казачьих полков и пятьдесят восемь орудий, не считая осадных. Боевая сила этого корпуса не превышала пятнадцати тысяч человек, но зато это были войска, испытанные в трудах и лишениях, покрытые славой недавних побед, предводимые вождем (Паскевичем. – С.М.), одно имя которого устрашало врагов»¹⁴.

Следует отметить тот факт, что на протяжении всего четвертого тома Паскевич характеризуется автором только с положительной стороны и предстает чуть ли не былинным героем.

Потто сообщает о том, что в Кавказской армии было немало полков, принимавших участие в войне 1812 года, в нее входили также и ссыльные декабристы, солдаты Семеновского и Черниговского полков. К 1827 году в рядах отдельного Кавказского корпуса числилось более 2800 ссыльных солдат-декабристов¹⁵. Среди тех кто штурмовал Карс в 1828 году был и декабрист прапорщик Пущин, представленный к ордену Свято-

¹³ Там же.

¹⁴ Потто В.А., Кавказская война: В 5 томах. Т. 4:, с. 15 - 16

¹⁵ Фадеев А.В. Россия и восточный кризис 20-х годов XIX в. - М., 1958, с. 217.

го Георгия 4-й степени, но получивший награду только в 1857 году ¹⁶.

Посылая главные силы к Дунаю, султан Махмуд II (1808 - 1839) еще в апреле 1828 года требовал от Галиб-паши «со всей азиатской армией громить насколько возможно русские владения за Кавказом» ¹⁷ с тем, чтобы отвлекать на себя силы России с основного Дунайского фронта.

Начало военных действий, однако, сразу обнаружило отличия от планов обеих сторон. В то время как Паскевич только готовился к походу, а вторая российская армия графа П.Х. Витгенштейна, еще только собиралась на реке Пруте, на берегах Черного моря произошло «событие, весьма важное для дальнейших судеб войны в Азиатской Турции», - пала Анапа, которую султан называл «ключом азиатских берегов Черного моря». Из-за отдаленности от театра военных действий и «по совершенному недостатку войск на Кавказе, Анапа включена была в черту действий» российской Дунайской армии. Потто замечает, что в каждой войне с Турцией взятие Анапы «входило в число важнейших стратегических соображений» ¹⁸.

Таким образом, совершенно неожиданно для Петербурга и Стамбула, военные действия на Кавказском фронте развернулись гораздо активнее, а главное, результативнее, чем на Балканах. Если к осени 1828 года Дунайская армия России после первых успехов в июле-августе увязла в длительной осадной войне, то Отдельный Кавказский корпус при активной помощи местных ополчений на своем левом фланге покорил весь Баязетский пашалык, на правом – занял Гурию и овладел крепостью Потти, в центре – передовые войска корпуса стояли в Карсе, Ардагане и Ахалцихе. «В общей сложности они завладели тремя пашалыками, взяли девять крепостей и укрепленных замков, триста пятнадцать орудий, сто девяносто пять зна-

¹⁶ Потто В.А., Указ соч. Т. 4, с. 39.

¹⁷ Там же с. 20.

¹⁸ Там же, с. 55 - 56, 58.

мен, одиннадцать бунчуков и до восьми тысяч пленных. ... никогда еще азиатская Турция не терпела такого погрома, и ни одна кампания, веденная русскими, не стоила так дешево, как Турецкая кампания Паскевича»¹⁹, в которой он укрепил и расширил свою операционную базу.

Успехи Кавказского корпуса «в турецкой Армении сильно встревожили константинопольский двор», и султан Махмуд II «обратил теперь особое внимание на свои азиатские владения. ... Прежние начальники..., старый Галиб и ... Куос Магомет-паша, обвиненные в слабости и недостатке военных способностей, были смещены и сосланы в отдаленные провинции». Вместо них были назначены «новые, более энергичные люди. Отважный старец Гаджи-Салех, паша майданский, назначен был арзерумским сераскиром с такими полномочиями, каких до него не имел ни один из правителей этого сераскириата, а в помощь к нему, главнокомандующим всеми войсками в Азиатской Турции, был избран Гаджи-паша Сивазский, и султан требовал, чтобы они не только остановили дальнейшие успехи русских, но и возвратили все, что Порта потеряла в Азии в минувшую кампанию». Для выполнения поставленной цели «во всей Азиатской Турции объявлено было поголовное вооружение» и общая численность турецкой армии, которую Порта предполагала собрать к весне 1829 года, должна была составить свыше 200-тысяч солдат при 156 орудиях.

Сопоставляя силы противоборствующих сторон, Потто указывает, что «силы, которыми располагал Паскевич, совершенно не соответствовали громадным средствам, подготовляемым противником. ... а между тем из Петербурга, основываясь на успехах» кампании 1828 года, требовали дальнейшего расширения планов похода, чтобы тем облегчить тяжелую войну на Дунае. Поставленный в столь трудное положение, Паскевич должен был «обратиться к изысканию местных

¹⁹ Потто В.А. Указ соч., Т. 4, с. 192.

средств, чтобы хоть сколько-нибудь уравновесить свои силы с силами противника»²⁰.

Не могу пройти мимо того факта, уже отмечавшегося исследователями, что, начиная с 1819 года участие местных жителей в экспедициях правительственных войск России приобрело наибольшее распространение в Дагестане²¹. Генерал неоднократно сообщал государю о храбрости и весомом вкладе в борьбе с турками мусульманских полков, находившихся под его командованием, среди которых был «отборный полусотенный отряд дагестанских горцев». Однако при использовании местных военных ресурсов Паскевичу приходилось сохранять традиционные для Кавказа способы комплектования и организации иррегулярных формирований. Прежде всего население боялось введения рекрутской повинности, и даже слухи о ее введении порождали серьезные волнения. Были и иные причины. Так, например, в 1829 году кумыки отказались идти в ополчение под воздействием пропаганды дервишей и т.д.

Попутно заметим, что в контексте своего труда Потто неоднократно (см. ниже) опровергает широко бытовавшее в России и Европе мнение о якобы изначально присущем «диким» горцам стремлению к одной только наживе, которое не изжито и сегодня. Причем оппоненты Потто сами указывают некоторые причины такого поведения. «...Горцы не были склонны к скучной сторожевой службе. Они предпочитали повоевать, пострелять, пограбить и разойтись. Вообще бездействие в течение нескольких дней способно было полностью деморализовать любое кавказское ополчение»²².

Добычей, взятой в бою, не пренебрегали и солдаты, однако это не носило характер постоянного и повсеместного явления. Например, во время боя в предместье Баурам-Паша (бои

²⁰ Там же с.197-199.

²¹ Лапин В.В. Национальные формирования в Кавказской войне XVIII-XIX вв. // Кавказ и Россия – прошлое и настоящее. История, обычаи, религия. Сб-к. - СПб., 2006, с. 53.

²² Лапин В.В. Указ соч., с. 59 - 60, 63.

за Карс), «вбегая на редут, солдаты проходили через небольшой оставленный турками лагерь; палатки стояли на самой дороге, но ни один гренадер не заглянул в них пожить до бычей – так сильно было стремление солдат скорее захватить орудия и знамя». Потто сообщает, что после взятия крепости Муравьев отметил отличительную черту «войск Кавказского корпуса, в коих славолубие превышает чувство корысти»²³. В труде Потто приводится много примеров подобного «славолубия» не только регулярного войска, но и «вспомогательных войск», сформированных из местного населения.

В данном случае отметим, что еще в кампанию 1828 года Паскевичу «удалось собрать ополчение, хотя немногочисленное, но служившее весьма усердно, - и он осыпал его наградами», причем «честолюбие и гордость мусульман польщены были этим настолько, что когда в начале 1829 года Паскевич обнародовал прокламацию о созыве конных татарских полков, мусульмане наперерыв просили позволения записаться в них, стремясь раздобыть не добычу, на которую уже не рассчитывали, а блестящие успехи и славу русского оружия. Соревнованию этому поддались даже джаробелоканские лезгины, вызвавшиеся добровольно поставлять под русские знамена отборных всадников. Воодушевление охватило и (христианскую. – С.М.) Грузию»²⁴.

Эти слова Потто нуждаются в пояснениях. «Татарами» он именовал азербайджанцев. Набравшаяся в Азербайджане иррегулярная конница действительно отличалась высокими боевыми качествами, так как состояла из добровольцев, представлявших феодальные служилые сословия (беков, меликов с их нукерами, маафов), для которых военное дело было наследственной профессией и делом сословной чести, а в конкретных исторических условиях XIX в. это играло роль «сословного

²³ Потто В.А. Кавказская война: В 5 томах. Т. 4,... с.49 - 50

²⁴ Там же, с. 207.

лифта», что покажет позже и рекрут Николай I 1846 года и многое другое.

Паскевич разработал свой план кампании 1829 года, в который, однако, вынужден был внести коррективы, так как государь требовал более решительных военных действий, но без новых подкреплений. Генералу следовало «ограничиться одними рекрутами». На исходе был уже февраль 1829 года, «повсюду шли приготовления к новой кампании, - как вдруг громовым ударом пронеслась по Грузии весть об истреблении в Тегеране русского посольства (убийство А.С. Грибоедова ... – С.М.), моментально изменившая весь ход событий». Вероятность новой войны с Персией грозила Паскевичу войной на два фронта, когда «весь мусульманский мир» уже «глухо заволновался. Но беда не приходит одна: почти в то же время пришло известие, что турки предприняли необычайный зимний поход и, перебравшись на лыжах через заваленные снегом горы, внезапно, среди глубокой зимы, осадили Ахалцихе. Это было сигналом к открытию военных действий в то время, как приготовления к ним со стороны России были далеко не окончены²⁵. В результате зимнего наступления «русский гарнизон в Ахалцихе был осажден Ахмет-беком, Гурия ожидала вторжения турок, а в Арзеруме собирались огромные турецкие силы...». Паскевич вынужден был просить подкреплений, но Петербург медлил и ему вновь пришлось изыскивать «местные средства»²⁶.

Таким образом, решительные наступательные действия на Кавказе теперь все чаще сменяются боями за удержание стратегически важных участков. Весной 1829 года ситуация осложнилась заявлениями Франции и Англии о том, «что не позволят России удержать за собой ни одного аршина из числа завоеванных ею земель»²⁷.

²⁵ Потто В.А. Указ соч., с. 209

²⁶ Там же, с. 241- 243.

²⁷ Там же, с. 293.

Между тем меняется ситуация за Дунаем. К середине лета 1829 года военное поражение Порты было предрешено. На Балканах пала Силистрия (19 июня), на Кавказе Карс (21 - 23 июня), а «27 июня почти без боя сдалась мощная крепость Эрзерум» (Арзерум), где в плен был взят сам сераскир и четыре паши, до 15 тысяч человек и 150 орудий.

Значительную роль в этих сражениях играли уже упоминавшиеся военные формирования местных жителей. В их числе были и чеченцы, о которых В.В. Лапин сообщает, что Паскевич пригласил на службу знаменитого Бей-Булата, явившегося в Тифлис с 60-ю чеченскими джигитами, из которых, однако, «только половина отправилась в действующую армию. На параде в честь взятия Эрзерума чеченцы стояли в одном ряду с казаками линейного полка. В отряд Бей-Булата сначала собралось 195 человек, но в район боевых действий отправилось всего 33 всадника». Резюмируя, В.В. Лапин замечает: «Об их участии в боях сведений не сохранилось»²⁸.

Со взятием крепости Эрзерум (запиравшую пути внутрь Малой Азии), собственно, и закончилась кампания 1829 года. На Кавказе был разгромлен последний резерв Порты - армия Хакы-паши. На Балканском (Дунайском) фронте турецкие войска были разбиты при Кулевче и не оказали серьезного сопротивления армии генерала от инфантерии графа И.И. Дибича, совершившей переход через южные отроги Балкан. 20 августа 1829 года без боя пал Адрианополь (Одрин)²⁹.

В период переговоров, проходивших со 2 по 14 сентября, России удалось не допустить вмешательства представителей Англии и Австро-Венгрии в обсуждение условий мира и в целом был принят российский проект договора. Петербург, опасавшийся изменений в системе государственной власти в Турции, учитывавший «нараставшее освободительное движе-

²⁸ Лапин В.В. Указ соч., с. 53 – 54.

²⁹ Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII – начало XIX в. - М., 1978, с. 91.

ние в Южной Болгарии, реальную перспективу восстаний» предписывал Дибичу и Паскевичу обеспечивать прежний правопорядок и «послушание» населения в занятых районах». Министр иностранных дел К.В. Нессельроде, руководствуясь предписанием Петербурга, писал И.И. Дибичу, что положение вещей, существующее в Османской империи, должно быть «сохранено самым строгим образом». 14 сентября 1829 года был подписан мирный Адрианопольский (Одринский) договор³⁰, завершивший очередную острую фазу Восточного вопроса.

Однако на Кавказском фронте о заключении мира не знали и военные действия продолжались. 17 сентября 1829 года генерал Гессе «потерпел неудачу под Цихис-Дзири, и теперь надо было заботиться уже о спасении самой Гурии. И Гурия, и Коблиенский санджак, и Ахалцихский пашалык лежали перед неприятелем открытыми. Дела на правом фланге принимали серьезный оборот, готовились кровавые события, как вдруг, - пишет Потто, - 29 сентября прискакал курьер с известием о заключении мира. Гроза рассеялась, и страшный Ахалцихе на вечные времена остался за Россией»³¹.

Потто весьма подробно излагает причины того, почему известие о мире дошло до Паскевича так поздно. Мы ограничимся лишь несколькими цитатами: «Воина окончилась. Но то, что в Румелии (Балканы. – С.М.) приобрело уже право законности и стало свершившимся фактом, долго еще не было известно ни в Арзеруме, где находилась главная квартира Паскевича, ни в суровых горах Лазистана, где сераскир собирал последние разрозненные силы Турции». Потребовался целый месяц, чтобы известие о мире дошло до Кавказа.

Потто с горечью замечает: «А в этот месяц сколько напрасно было пролито крови и угасло человеческих жизней! Су-

³⁰ Юзефович Т. (составитель). Договоры России с Востоком, политические и торговые. - СПб., 1869. с. 71 - 84; Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII – начало XIX в. - М., 1978 с. 94.

³¹ Потто В.А. Указ соч., с.414.

ществоу в то время электрическая проволока (телеграф. - С.М.) – и не было бы ни беѳрутских погромов, ни цихис-дзирских штурмов, где с обеих сторон так много было выказано героѳских усилий, так много совершено подвигов, и совершенно» напрасно, так как «они уже бессильны были изменить в судьбах России и Турции» то, что уже было решено и подписано в Адрианополе.

Потто подчеркивает тот факт, что Дибич «не промедлил ни минуты, чтобы известить Паскевича о заключении мира, и два курьера немедленно повезли к нему это известие в Малую Азию»³². Но из-за происков турецких чиновников оба курьера – ротмистр Могучий и штабс-капитан Дюгамель – смогли доставить известие о мире только в конце сентября.

Впоследствии стало известно, что «сераскир еще за несколько дней до приезда Могучего получил султанский фирман, извещавший его о начале мирных переговоров; вместе с тем константинопольский двор требовал, чтобы сераскир воздержался от всяких наступательных действий, избегая сражений, теперь уже бесполезных. Знал об этом ... и трапезундский паша, но молчал в угоду сераскиру, который задумал воспользоваться истекающими днями войны, чтобы разбить Паскевича, ослабленного, как он полагал, последними неудачами на правом фланге и роспуском войск на зимние квартиры. На этой победе сераскир хотел основать свою личную военную славу».

О прибытии Дюгамеля в Трапезунд сераскир «получил известие в ночь с 26 на 27 сентября, когда обе армии стояли друг против друга» и, следовательно, еще можно было остановить кровопролитие, но, «в ожидании результатов сражения, сераскир с умыслом задержал эти депеши, и только жестокий беѳрутский погром заставил его не скрывать уже более известия о мире». Ночью 28 сентября посланный им офицер доставил Паскевичу «письмо, в котором сераскир писал, что мир заключен и что с этим известием едет курьер от графа

³² Потто В.А. Указ соч., с. 445 – 446.

Дибича, а до его приезда предлагал заключить перемирие», однако с тем условием, «чтобы русские войска не двигались ни шагу вперед. Такому заявлению сераскира, тотчас после проигранного им сражения», нельзя было доверять. «Тем не менее Паскевич отправил к нему чиновника Влангали и подполковника Яновича с ответом, что он соглашается на перемирие», но при условии, что турецкие войска будут распущены, а русский корпус продвинется «еще на один переход. ... Но заключать перемирие оказалось не нужным: Дюгамель уже был в турецком лагере и предъявил фирман о мире»³³.

Подводя итоги, Потто пишет: «...в течение четырех месяцев кампании 1829 года кавказские войска прошли около шестисот верст от границы почти до Трапезунда, уничтожили многочисленную турецкую армию, пленили главнокомандующего и самого сераскира – правителя обширного края, овладели столицей Анатолии, покорили пашалыки: Арзерумский, Мушский и часть Трапезундского со всеми их крепостями, взяли двести шестьдесят две пушки, шестьдесят пять знамен, десять бунчуков и повелительный жезл сераскира»³⁴.

«Нельзя не сознаться, - продолжает Потто, - что польза, приобретенная Россией за Кавказом, далеко не соответствовала блестящим успехам Кавказского корпуса и ожиданиям самого Паскевича», который дважды писал Нессельроду и один раз Дибичу, «где должны остановиться наши приобретения» в Азиатской Турции. Особенно он настаивал на присоединении Карского пашалыка. Однако Дибич, получивший предложения Паскевича уже после подписания Адрианопольского договора, «не мог, да и не имел особенной надобности заботиться о выгодах кавказского края, - и эта ошибка, - заключает Потто, - прискорбна тем более, что европейские державы, настаивая при заключении мира на целости турецких владений в Европе, мало заботились о ее азиатской территории. Даже сама Тур-

³³ Там же, с. 447 – 448.

³⁴ Потто В.А. Указ соч., с. 449.

ция не особенно отстаивала тогда три завоеванных нами пашалыка и самый Батум...»³⁵.

Особый интерес представляет довольно идилический пассаж Потто о том, какое влияние оказала война 1828 – 1829 гг. на Османскую империю: «Мусульманское население и даже турецкие войска скоро забыли (в это трудно поверить. – С.М.) страшные удары минувшей войны, да и все внимание их было поглощено тогда новыми реформами, которые с таким изобилием сыпались султаном Махмудом. Древняя военная организация, созданная первыми завоевателями, была вполне, им разрушена; спаги и янычары, составлявшие ее основание, или истреблены, или лишены всякого значения; их заменила новая регулярная армия, устроенная по образцу европейскому, и если эта армия не покрыла турецких знамен победными лаврами в минувшую войну с гяурами, то это было приписано неспособности ее вождей и недостаткам, еще коренившимся в ее организации. На исправление этих недостатков и было обращено теперь внимание ее молодого султана»³⁶.

Анализируя труд Потто, следует помнить, во-первых, о том что мы имеем дело не просто (и не только) с военно-историческим исследованием, основанном на изучении источников, но и с работой, в которой излагаемые события преподносятся (преломляются) через призму личного восприятия автора, участника Крымской войны 1853 – 1856 годов и русско-турецкой войны 1877 - 1878 годов (напомним, что в 1887 г. автор служил штаб-офицером при войсках Кавказского военного округа). Непосредственное участие в этих войнах наложилось на изображение событий 1828 - 1829 годов – нельзя исключать «оптический эффект» их слияния. На Потто повлияла и внешне-научная, общественно-политическая конъюнктура тогдашних настроений российского общества. Таким образом, участников исторических событий мы воспринимаем через исследова-

³⁵ Там же, с. 456-459.

³⁶ Там же, с. 451.

тельскую рефлексию Потто и его личностного (приязненного/неприязненного) отношения к описываемым акторам.

Во-вторых, военные действия в 1828 году развернулись почти одновременно на двух театрах – балканском и кавказском. Но если в российской Дунайской армии под командованием П.Х. Витгенштейна насчитывалось от 94 до 100 тысяч воинов, то в составе Отдельного Кавказского корпуса под командованием И.Ф. Паскевича было около 40 тысяч человек. Причем Петербург мало заботился о состоянии Кавказской армии, что подтверждают и другие исследователи ³⁷.

Отдельный Кавказский корпус выполнял две основные задачи, поставленные Николаем I, – отвлекал часть турецких сил с Балканского полуострова и поддерживал порядок в Закавказье. Для выполнения последней задачи Паскевичу пришлось выделить значительную часть войск. Для решения же первой задачи считалось достаточным «покорить два пашалыка – Карский и Ахалцихтинский. Дальнейшее продвижение войск в глубь азиатских владений Турции считалось нецелесообразным». Однако решительные и результативные действия на Кавказском фронте значительно превосходили ожидания государя, оказав тем самым весьма существенную помощь российской Дунайской армии, что повлияло на исход войны с Турцией.

На заключительном этапе войны последовал ряд новых успехов кавказских российских войск – были взяты крепости Карс и Эрзерум, взятием которого, собственно, и закончилась кампания 1829 года. Попутно заметим, что свидетелем взятия Эрзерума был А.С. Пушкин, который с 13 июня по 14 июля находился в войсках Кавказского корпуса и позднее описал это в «Путешествии в Арзерум».

Весьма своеобразную оценку сути Адрианопольского договора дал А.Б. Широкорад, по мнению которого Россия очень ма-

³⁷ Киняпина Н.С. Внешняя политика России первой половины XIX века. - М., 1963, с. 142 - 143; Киреев Н.Г. История Турции XX век. - М., 2007, с. 32.

ло приобрела, а Турция очень много потеряла. После смерти Екатерины II «так и повелось, что в результате русско-турецких войн Россия выигрывает копейки, Турция много теряет, а выигрывает Европа, то есть Англия, Франция, Австрия и т.д.»³⁸.

История XVIII – XIX веков. свидетельствует о том, что на протяжении всего периода продвижения России на Кавказ одним из главных стратегических противников была Турция. Причем Закавказский фронт считался второстепенным во всех войнах с Турцией и его главной задачей было отвлечение части турецких военных сил от главного Балканского (Дунайского) фронта. Несмотря на то, что война на Кавказе практически на всем своем протяжении имела откровенно периферийный характер, Кавказский корпус не только успешно справился с поставленными задачами, но своими героическими и успешными действиями внёс весомый вклад в дело победы России над Османской империей.

³⁸ Широкоград А.Б. Турция. Пять веков противостояния. - М., 2009. (Друзья и враги России), с.241